

Екатерина **ВИЛЬМОНТ**

Подсолнухи зимой

Крутая
замочка

2

Крутая дамочка

Екатерина Вильмонт

Подсолнухи зимой

«АСТ»

2008

Вильмонт Е. Н.

Подсолнухи зимой / Е. Н. Вильмонт — «АСТ», 2008 — (Крутая дамочка)

ISBN 978-5-17-051344-4

«...Пепельница разлетелась вдребезги. Стало легче. А его уроки не прошли даром, усмехнулась про себя Марго. Спасибо большое! Чего я, собственно, взбеленилась? Он явится тридцатого, а я улечу двадцать девятого. С мужем, на Майорку. И никаких проблем!..» Это продолжение ранее выходившей книги Екатерины Вильмонт «Крутая дамочка, или Нежнее, чем польская панна».

ISBN 978-5-17-051344-4

© Вильмонт Е. Н., 2008

© АСТ, 2008

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Екатерина Вильмонт

Подсолнухи зимой

Часть первая

Концы в воду

...Пепельница разлетелась вдребезги. Стало легче. А его уроки не прошли даром, усмехнулась про себя Марго. Спасибо большое! Чего я, собственно, взбеленилась? Он явится тридцатого, а я улечу двадцать девятого. С мужем, на Майорку. И никаких проблем!

Правда, возникла другая проблема. Как легализовать кольцо, дошедшее до меня через двадцать с лишним лет? Я хочу его носить, оно мне нравится, нельзя никому говорить, откуда оно, а то начнутся причитания: «Ах, привет с того света», и прочие глупости. А мне плевать на все суеверия, я буду его носить... Дима заслужил это. Он всю жизнь, оказывается, любил меня. Кто бы мог подумать... А я? Я никого не любила так, как его. Он купил кольцо к нашей несостоявшейся свадьбе двадцать два года назад... Но, если он действительно меня любил, как он смел столько лет молчать об этом? Меня-то он за что покарал?

Марго деловито удалила эсэмэску Вольника, заперла кабинет и вышла во двор.

– На дачу, Маргарита Александровна? – спросил Володя.

– Да.

– Устали нынче? – сочувственно осведомился водитель.

– Не то слово. Тяжелый день был...

– От дочки-то есть что?

– Да, она в полном восторге!

– Вот и слава богу! Это ж хорошо, что у девчонки теперь еще и родной отец есть, хоть и в Штатах.

– Да, по-видимому, так...

– А вам уж, небось, тоскливо?

– Есть немножко.

– Да что там, две недели пролетят – и не заметите, с такой-то работой.

– Да, я, пожалуй, вздремну немножко, Володя...

– Спите, спите, я молчу.

Она и в самом деле уснула.

– Маргарита Александровна, приехали.

– Ох, всю дорогу продрыхла, надо же... Спасибо, Володя.

– Завтра как всегда?

– Конечно. До свидания.

На лавочке у крыльца сидели обе тетушки. Из-за дома доносился какой-то стук.

– Маргоша, ты так поздно... Я уж волноваться начала. А где Аля? – спросила Эличка.

– Осталась в городе, ей завтра в шесть утра нужно встретить поезд. А что это за стук?

– Даня решил сколотить стол, чтобы можно было сидеть на воздухе, – с радостью сообщила Эличка. – Мы еще не ужинали, ждали тебя. Да, ты знаешь, Тасенька сегодня в лесу нашла прелестное колечко...

– Да? Красивое?

– Золотое, с маленьким сапфиром, очень изящное, – подтвердила Нуцико.

– И я сегодня нашла кольцо! – улыбнулась Марго. – Вот.

– Где же ты его нашла?

– У себя в шкатулке. Мне его когда-то подарили, я про него забыла, а сегодня вдруг нашла, и оно мне ужасно понравилось.

– Цитрин? – спросила Нуцико.

– Кажется, да, не помню.

– День найденных колец, – усмехнулась Нуцико, и, кажется, день большого вранья. Неужто Марго получила это кольцо в подарок от того ураганного мужчины?

Между тем стук прекратился. Из-за дома с молотком в руках появился Даниил Аркадьевич в шортах, без рубашки, в кепке, надетой задом наперед.

– Я слышу, моя любимая жена приехала?

– Привет, говорят, ты стол решил сколотить?

– Более того, я уже его сколотил. Завтра утром врою и сколочу лавки.

– А где ты доски взял?

– Станный вопрос. Купил. Согласись, глупо, что на таком большом участке нет стола с лавками. А вернемся с Майорки, я сделаю мангал, и будем шашлыки жарить. Левочка давно грозит приготовить какую-то особенную рыбу на мангале. У нас теперь будет настоящая дачная жизнь! Елена Вахтанговна, а ужин работяге полагается?

– Конечно, но в таком виде, Даня, я вас за стол не пущу!

– Обижаете, я и сам никогда бы не посмел... Маргоша, у тебя все в порядке?

– Да, да. Просто устала...

– Тася, накрывай на стол! – крикнула Эличка.

Марго и Нуцико остались вдвоем на лавочке.

– Хорошо, что Даня теперь живет с нами... И Аля с Тасей... Опять большая семья, но мне ужасно не хватает Тошки... Скажи, это кольцо подарил господин Ураган?

– Нет, что ты... Это подарок Димы.

– И ты действительно нашла его в шкатулке? Только не ври мне, Марго, ты врать не умеешь.

– Мне передала его Димина сестра, она приходила ко мне в офис.

– Ты из-за Дани наврала?

– Да нет... Сама не знаю зачем.

– Неважно. Я тебя разоблачать не собираюсь.

– Ох, Нуцико, пока я не забыла... Давно хочу спросить и попросить.

– О чем, Марго?

– Ты не согласилась бы просмотреть и разобрать папины дневники? А то валяются в квартире под роялем, а могли бы, возможно, пригодиться его биографам...

– Как можно, Марго, это все равно что читать чужие письма... Даже хуже. Письма все-таки предназначены хоть для чьих-то глаз, а дневники, это слишком интимно...

– Но что же мне с ними делать? Сжечь?

– Не знаю...

– По-моему, Нуца, ты чересчур щепетильна. Когда люди не хотят, чтобы их дневники или письма кто-то прочел, они сами их сжигают, если только смерть не застала их врасплох. У папы много раз была такая возможность... А то уже Тошка предлагала свои услуги. Мне бы этого не хотелось. Ты все-таки взрослый человек, ты многое о папе знаешь и уж точно никому ничего лишнего не сболтнешь. А если решишь, что дневники следует сжечь... Что ж, так и поступим. У меня руки еще долго не дойдут.

– Но ты же вывезла отсюда архив.

– Дневники в двух ящиках, я привезу тебе завтра один.

– Ты действительно этого хочешь?

– Действительно.

– Ну что ж... Только давай договоримся: ты никому об этом не скажешь. И Элико в первую очередь.

– Обещаю. Элико слишком наивна для папиных дневников, ты права. И спасибо тебе огромное. На самом деле, кроме тебя, мне некому это доверить.

– Нуца, Марго! К столу! – крикнула с веранды Эличка.

– Тетя Марго, ужинать! – выскочила на крылечко Тася.

– Тася, ты чего так расхорошилась? – ахнула Марго. – Уж не влюбилась ли?

– Нет, что вы... Просто я сегодня колечко нашла, все говорят – на счастье.

Аля пребывала в некотором недоумении. После восхитительного ужина со Львом Александровичем она чувствовала себя совершенно счастливой, хотя он тогда у нее не остался. Она не очень огорчилась, ибо так была переполнена чувствами, что даже хотела остаться одна, чтобы еще раз пережить этот вечер уже наедине с собой. Вспомнить все его слова, взгляды и жесты. Кажется, он и вправду меня любит, ну, может, это слишком, но влюблен здорово... И он такой очаровательный, умный, веселый, нежный... И хорошо, что ничего не было, а то он же все-таки не молоденький, вдруг проблемы какие-нибудь, пусть он привыкнет ко мне, сама я ничего форсировать не буду. Мне и так хорошо... блаженно думала она, глядя на себя в зеркало и не узнавая прежнюю Алю. Красивая модная стрижка, мелированные русые волосы, сверкающие глаза. Все правильно, решила она, если бы он оказался еще роскошным любовником, я бы начала умирать от страха – слишком хорошо все складывается, так не бывает. У Таськи вот талант обнаружился... И мне теперь за нее не так страшно, в доме Марго она не пропадет, дурному не научится...

Но на другой день она все-таки ждала его звонка, а он не позвонил. Ну, замотался, наверное, он же занятой человек, мало ли... Или это опять маневр, чтобы держать меня в тонусе? На третий день, накануне отъезда Марго, Татьяна ее спросила:

– Аль, что с тобой? Я говорю, а ты не слышишь...

– Ох, прости, Танечка, я задумалась о своем...

– Влюбилась, не дай бог?

– Почему не дай бог?

– Точно, влюбилась. Ох, не вовремя, Аля. Тебе думать о работе надо.

Марго Аля все же побаивалась, а к Тане прониклась доверием. Та была куда мягче и больше располагала к откровенности.

– Танечка, прости, я возьму себя в руки, просто он третий день уже не звонит...

– Подумаешь, третий день... А ты его давно знаешь?

– Нет, недавно.

– У вас с ним что-то было?

– Нет пока...

– Тогда чего куksiшься? Позвонит...

– Думаешь?

– А чего тут думать, есть только два варианта: позвонит или не позвонит. В каждом из вариантов можно найти положительные стороны. Ну, насчет первого варианта, ты сама лучше меня все знаешь, а если не позвонит... Ну, значит, он не твой кадр. Смотри проще на это все. Вот что, идем-ка обедать. Я чувствую, ты нуждаешься в дружеских советах.

Они отправились в соседнее кафе, где обычно обедали сотрудники агентства. Однако сегодня никого из своих там не было.

– Рассказывай! – потребовала Таня, когда они сели за столик. – Я так понимаю, Марго в наперсницы не годится?

– Да нет, Марго замечательная... только я немного ее боюсь, особенно в этом вопросе...

– Странно, вообще-то Марго не любит лезть в чужие дела.

Аля замялась.

– Да я все понимаю... но...

– Постой-ка, подруга, кто этот твой хахаль?

– Да так... один...

– Уж не Левочка ли?

Аля залилась краской.

– С ума сошла? Тебе что в голову ударило?

– Таня, пойми, он же...

– Он же что? – очень жестко спросила Татьяна.

– Он – самый лучший, и мы с ним... Понимаешь, он мне позвонил ночью и сказал, что любит меня и что уверен... в моей любви... Между нами что-то такое возникло, какая-то искра... Я боялась, даже бегала от него, телефон поменяла, а он... Он все равно меня нашел, Танечка, милая, если бы ты слышала, что он мне говорил...

– Ой, дура, какая же ты дура...

– Я знаю, мне Марго говорила, предупреждала, но другие люди не могут понять... Я знаю, у него куча баб, у него жена мегера, но... Знаешь, один мой знакомый... он тоже был страшный бабник, ни одной юбки не пропускал, и вдруг встретил женщину, влюбился без памяти, и как отрезало. Он стал верным, любил только ее, ревновал ко всему на свете... прожил с ней много лет, пока не умер...

– И ты полагаешь, что станешь для Левочки такой женщиной? – усмехнулась Татьяна.

– А почему нет? – вскинулась вдруг Аля. – Допустим, я не мисс Универсум, но и он тоже не Джордж Клуни. И он старше меня на двадцать лет, и между нами что-то возникло буквально с первого взгляда...

– Да, случай безнадежный... Только потом не говори, что я тебя не предупреждала...

– Танечка, знаешь... А можно я буду с тобой делиться, а? Мне так это важно!

– Делись, ради бога. Что там у вас было?

Аля, сбиваясь и краснея, рассказала об ужине в итальянском ресторане.

– И он не трахнул тебя?

– Нет.

– И под юбку не лез?

– Нет.

– И за сиськи не хватал?

– Нет.

– Да, это странно, на него не похоже, неужто и впрямь влюбился?

– А ты хорошо его знаешь?

– Даже очень хорошо, – усмехнулась Татьяна.

Алю обожгло догадкой.

– У тебя с ним что-то было?

– Было и быстро сплыло. Не мой типаж. Да он вообще, по-моему, окучивает всех, кто попадает на пути. Но если под юбку не лез, это серьезно. Дерзай, подруга, может, еще уведешь его... Если его не принимать всерьез, он вообще-то душка.

– Ты его не любила?

– Да нет, я так, от скуки... И беременна я не от него, не бойсь.

– Значит, по-твоему... у меня есть надежда?

– Ой, мама дорогая, как же ты втюрилась... Ладно, можешь делиться со мной, вдруг когда-нибудь помогу советом. И Марго ни словечка не скажу. В конце концов, это не ее дело. Только ты о работе не забывай, а то уйду в декрет...

– Танечка, спасибо тебе за все, мне настолько легче стало...

– Ну и славненько!

Марго привезла на дачу одну из коробок с дневниками отца, отнесла в комнату Нуцико и задвинула под кровать.

– Нуца, ты попробуй, будет неприятно, брось. Не считай это своей обязанностью.

– Хорошо, я надеюсь, мне это поможет пережить присутствие этой ужасной Пунди.

– Тебе так неприятно? Зачем же ты согласилась?

– Ну вот еще, я переживу, а девочке необходимо. У нее и вправду талант, голос и, наверное, лучше Пундика никто ее к артистической карьере не подготовит. Так что я потерплю, – улынулась Нуцико.

– Нуца, я хочу еще тебя попросить...

– Слушаю.

– Мы завтра улетаем. А послезавтра может...

– Что? Может налететь ураган?

– Откуда ты знаешь?

– По выражению лица. Не бойся, я ему не проболтаюсь, где ты. Скажи, а Эличка в курсе?

– Нет. Она же тогда его не видела, и вообще... Она не поняла бы...

– Да нет, она так тебя обожает... Но ты же знаешь, я ничего никому не скажу. А ты-то хочешь его видеть?

– Нет. Только-только с Данькой наладилось... Нет!

– Ну и слава богу. Только предупреди Володю, а то он может проболтаться. Хотя... Ну не полетит же он на Майорку? Хотя может... Такой может...

– Не дай Бог!

– Мне так грустно без Тошки, что я, пожалуй, даже рада этим дневникам. Впрочем, посмотрим.

Утром Володя отвез Марго с мужем в аэропорт.

Тошка стояла у окна, за которым плескался Тихий океан. За неделю она устала от впечатлений. Сегодня жена отца возила ее в Пасадену в какой-то ботанический сад, Тошка мало что запомнила из объяснений Энни, но сад был клевейший. Кактусы в два человеческих роста, японский садик, немыслимое количество цветов и пруды, кишашие дивной красоты красными и черными рыбами... Тошка просматривала снимки в цифровом аппарате и думала: вот Эличка будет языком цокать! Ей вдруг так захотелось домой, к теткам, к маме, к Таське. Хотя мама сейчас на Майорке с Даниилом Аркадьевичем. Конечно, дом у отца – супер! И жена славная, но все равно они чужие... Первый раз я без родных уехала... Но зато точно поняла – учиться тут я не буду! Не могу я без своих... А как там они без меня? На дачу особо не позвонишь, слышно плохо, да и неохота чужие бабки тратить... Она решила послать Таське письмо по электронной почте. «Таська, привет! Завтра с Энни летим в Сан-Франциско. А Голливуд хваленый такая срань! Другого слова не подберу... Ходили с отцом на студию Юниверсэл, смотрели всякие киношные чудеса, ничего, прикольно, но для сопливых. Потом с Энни по Рodeo-драйв прогулялись. Тоска! Чистенько, красивенько, ни души кругом, в бутиках никого, цены – жуть, словом, тоска. Правда, потом поехали в какую-то Плазу, забыла название, там клево... У нас это называется Торговый центр. Целый городок, с кафешками, магазинами, киношками, обедали в китайском ресторане, ничего, довольно вкусно, но с Эличкиной стряпней не сравнить. В Сан-Франциско пробудем три дня, остановимся в отеле и будем гонять по окрестностям. Папашка все твердит, что две недели для Америки смешной срок и что на Рождественские каникулы я должна прилететь к нему опять, но уже в Нью-Йорк. В принципе можно, обещает сводить на Бродвей и вообще... Обещает много. Он ничего, только меня побавляется, смех да и только. Ох, надо уже спать. Завтра рано подниматься. Пока».

Наверно, больше всех я скучаю по Нуце, подумала Тошка. Я привыкла с ней обсуждать все важное, все впечатления... И вдруг странная мысль поразила ее. В дневниках деда ей не встретилось ни одного упоминания о Нуцико! Ни одного! И что же это значит? Только одно: таинственная Н. – это и есть Нуцико! Ни фиги себе! Родная сестра бабушки... Обалдеть можно! Н. жила в Тбилиси, не давала деду спуска... Буря чувств! Но, похоже, никто ничего не знал и не знает. Ну конечно, я же недавно спрашивала ее, почему она замуж не вышла... А она сказала, что у нее была какая-то безумная любовь, но тот человек не мог на ней жениться... Ясное дело, не мог дед бросить жену и жениться на ее родной сестре. Да и сама Нуцико на такое никогда бы не пошла. С ума сойти, какие бездны открываются... И ведь если бы дед не вел дневник или по крайней мере сжег бы его, никто и никогда ничего не узнал бы. Но если я догадалась, то и другие догадаются как нечего делать. А это нельзя... И маме не нужно этого знать, совсем не нужно... Вдруг она станет хуже относиться к Нуцико? А Нуцико ведь уже старая. И вот почему она, уехав из Тбилиси, сначала подалась во Францию... Чтобы не жить с дедом под одной крышей... А когда вернулась, дед уже практически жил отдельно, то есть в основном за границей... Вернусь, обязательно спрошу Нуцико... Интересно, что она скажет? Или не надо припирать ее к стенке? Конечно, не надо! Еще умрет, чего доброго... Нет, я люблю ее и ничего ей не скажу... И никому не скажу... А дневники эти чертовы сожгу. И пусть мне влетит, а влетит мне так, как никогда еще не влетало, но я стерплю. Не надо, не надо копаться в семейных тайнах. Любопытство сгубило кошку. Нет, любопытство сгубило Тошку! А дед ведь испортил жизнь Нуцико... и хоть бы хны. Всякие там буквы у него не переводились. То О., то М., то А... А бедная Н. терпела все это. Что-то дедушка нравится мне все меньше и меньше... А это, наверное, нехорошо. Никогда не буду вести дневников. Зачем, зачем он это делал? Или на старости лет ему в кайф было их перечитывать и вспоминать весь свой кобелиный алфавит? Или, как это еще называется, «донжуанский список». Фу, противно. Решено, я сожгу на фиг эти записи, ничего там ценного нет, одно только самокопание, комплексы и блядство. В огонь! В огонь! В огонь! Это будет воистину очищающий огонь! Мама там что-то насчет биографов говорила, нельзя чужих людей к этому даже близко подпускать... Ни в коем случае!

Марго наслаждалась жизнью. Первые двое суток они с Даней только купались, ели и спали. Но на третий день, когда она утром вышла из ванной, Даня, еще валявшийся в постели, воскликнул:

- Маргоша, у тебя сегодня уже совсем другой вид.
- Мне тоже так показалось. Я и чувствую себя совсем по-другому.
- А тебе не жарко в махровом халате? Быстро снимай его и иди ко мне.
- Данька! – засмеялась Марго.
- Я уж сорок три года Данька, иди ко мне! Я мечтаю выполнить свои супружеские обязанности.
- Ах обязанности?
- Марго, ты такая красивая и так загорела... Не мучай меня. И разве плохо начать день с любви?

Марго засмеялась особенным смехом, всегда сводившим его с ума, и скинула халат.

Все свои мобильники Марго отключила. Родным и Татьяне в случае чего велено было звонить на один из двух Даниных. По крайней мере никаких дурацких эсэмэсок, и никакого Вольника. Я вне зоны досягаемости, мне хорошо, мне так хорошо тут у теплого синего моря с моим мужем. А Вольник... Наверное взбесился, не застав меня... Ну и Бог с ним. Он тогда здорово мне помог, но я ведь с ним расплатилась... Она вспоминала о нем уже без дрожи. Я же Даньку люблю, он близкий, родной, понятный, с ним хорошо, и в сексуальном смысле тоже. Да, секс с Вольником меня потряс, но это было в экстремальной ситуации... Надеюсь,

мое отсутствие и телефонная недоступность достаточно красноречиво дадут ему понять, что между нами все кончено. Я люблю Даньку, и вся семья моя его любит, а это так важно...

– Да, Марго, после Эличкиных завтраков эта европейская шамовка как-то не хилает... А сосиски просто гнусные. Помнишь шутку брежневских времен: что на языке Леонида Ильича значило «сосиски сраные»?

– Социалистические страны. Разве такое забудешь?

– Ты поняла, что здешние сосиски есть не следует?

– А я и не собиралась. Тут и без сосисок с голоду не умрешь.

– Если не заниматься сексом, то да, а так... Причем не сексом вообще, а сексом с тобой...

– Данька, не хулигань!

– Маргоша, ты покраснела, какая прелесть!

– Данька, что там с твоей рыбалкой?

– Господи, ты уже рвешься в магазины? А пляж?

– Пляж это святое, но я долго торчать там не люблю.

– А я люблю! Ты иди себе, солнцем палимая, а я поваляюсь с книжечкой в тенечке, мне сегодня что-то лень затеваться с рыбалкой. Возьми второй мобильник, чтобы быть на связи, и ступай.

– Еще не сейчас! Сначала купаться!

Марго обожала море. В детстве ее частенько вывозили в Кобулет, и Гия учил ее плавать. Она мгновенно научилась, совершенно не боялась и вместе с Гией заплывала достаточно далеко, к ужасу мамы, которая боялась воды и плавать совсем не умела. А папа, конечно же, гордился дочкой. Еще бы, в неполных шесть лет она плавает чуть ли не наравне со взрослыми. Правда, одна она далеко заплывать не решалась, боялась дельфинов, чьи гладкие черные спины иногда появлялись над водой. И еще в Кобулет она помнила большие тарелки с жареной барабулькой, которую все почему-то ели руками, кроме папы. Он этого не признавал. Ему барабульку всегда подавали с картошкой, а остальные ели ее руками с соусом сацебели и белым хлебом. Отец всегда смеялся над ними:

– На кого вы похожи? Дикари!

– Папочка, но так вкуснее! – убеждала его Марго.

На пляже вокруг Гии всегда вертелись женщины. Он был красив как бог! И все они пытались найти путь к его сердцу через Марго. Таскали ей конфеты, фрукты и даже игрушки. Папа смеялся и, кажется, немного завидовал юному красавцу.

– Гия, этот дамский ажиотаж до добра не доведет! Будь осторожнее, парень!

– Дядя Сандрик, зависть нехорошее чувство! – хохотал Гия.

По вечерам взрослые частенько играли в карты, а если иной раз приезжали гости, тогда накрывали стол в саду, увитом виноградом, и не декоративным, а настоящим, спелые кисти которого, как ни странно, никто не трогал. За столом произносили обязательные тосты, пели грузинские песни, а потом вели серьезные разговоры, в которых Марго ничего не понимала и к тому же считала их нарушением правил. Разве можно за столом говорить о серьезных вещах? Особенно весело бывало, если приезжал Левка, тогда они с Гией устраивали какие-то игры, даже спектакли ставили с привлечением самых хорошеньких девушек с пляжа, и всегда в этих спектаклях находилась роль для Марго. Мама шила какие-то смешные костюмы из старья, шила на живую нитку, чтобы перешить к следующему спектаклю, даже Сережа снисходил до них, хотя обычно предпочитал держаться особняком... Господи, сколько же людей ушло с той поры... Остались только Левка, Нуца с Эличкой и я... Мне необходимо это чувство большой семьи... С приездом Али и Таси и с водворением у нас Даньки это ощущение вернулось. А, наверное, хорошо было бы, если бы у Али и Левки что-то сложилось, может, он ушел бы от своей Кочерги, и тогда семья была бы такой, как должно...

- Солнышко, о чем задумалась?
- Да нет, так... воспоминания детства... Сейчас доплыву до буйков и пойду.
- Мальбрук в поход собрался?

Марго шла вдоль моря и чувствовала себя совершенно счастливой. Да, отдыхать лучше всего на острове. Иллюзия отделенности от большого мира как-то успокаивает. Обойдя много магазинов, она зашла в кафе, выпила любимый кофе-латте и съела кусок дивного торта – шоколадного с мороженым. И решила, что это безобразие надо отработать – пойти в гостиницу пешком, тем более что началась сиеста и никакой транспорт, кроме такси, не ходил, но на набережной не было и такси, а сворачивать в сторону не хотелось. Попадались, правда, извозчики пролетки, но она решила идти пешком и шла, наслаждаясь каждым шагом. В пакетах лежали покупки, доставившие ей острое, ни с чем не сравнимое удовольствие, – подарки! Тошке и Таське она купила по испанскому платью – Таське черное с красными оборками, а Тошке, наоборот, красное с черными. Але модный темно-коричневый сарафан с зелеными клиньями и зелеными же бретельками, Татьяна роскошную юбку на резинке, – у нее скоро будет большой живот, и такая юбка окажется кстати. А себе Марго пока ничего не купила, зато Дане присмотрела роскошный кожаный жилет со множеством карманов и ремешочков. Он любил такие штуки, но она не была уверена в размере. Звонить и тащить его с пляжа в магазин она не хотела. Успеется.

Она услышала сзади шум мотора и оглянулась. Маленький красный «мерседес», здесь вообще на удивление маленькие машины.

Машина пролетела мимо и вдруг поехала задом, поравнялась с ней.

- Марго? – крикнул мужчина за рулем.
- Михеич? – ахнула она. – Ты что здесь делаешь?
- А ты? Куда путь держишь?
- В гостиницу.
- Садись, подвезу.
- Ты что, теперь тут бомбишь? Разорился, что ли?
- Не дождетесь! У меня тут вилла.
- А чего машина такая маленькая?
- Мне хватает.
- А охрана твоя где?
- В Караганде!
- Исчерпывающий ответ. Михеич, ты куда едешь? Мне прямо!
- Давай выпьем за встречу.
- А меня муж ждет.
- Подождет. Это их такая доля, мужей, ждать, особенно, если жена такая красавица. Выглядишь отпадно. Никогда тебя в шортах не видел. Тебе идет...

- Куда мы едем?
- Приехали уже. Пошли.

Кафе было хоть и в стороне от моря, но оказалось просто восхитительным, несколько столиков в чудном саду.

- Как ты относишься к сангрии?
- Обожаю!
- Тут подают лучшую сангрию во всем свете. Ты не голодна?
- Что ты! И потом мне еще предстоит обед с мужем.
- Где мужа-то кинула?
- На пляже, он магазины ненавидит.
- А как вообще твои дела, Маргаритка?

- Грех жаловаться, Михеич. Я всегда помню, как ты мне помог.
- Ладно тебе, мне это немного стоило. И вообще, мы с тобой в расчете. А как твоя дочка?
- Взрослая самостоятельная девица, сейчас в Америке.
- Как глупо, Маргаритка, ты играла в моей жизни важную роль, а я даже не знаком ни с кем из твоей семьи. Познакомь хоть с мужем.
- Зачем?
- Интересно, какой муж у такой бабы?
- Перебьешься. А впрочем... – Марго вдруг пришла в голову озорная мысль – заставить Даньку немножко поревновать.
- Познакомишь?
- Почему бы и нет.
- Тогда я приглашаю вас обоих на ужин к себе на виллу.
- Михеич, ты женился?
- С ума сошла? Зачем?
- Зачем вообще люди женятся?
- Понятия не имею!
- С тобой все ясно. Но ты здесь не один?
- Один, Маргаритка, один, вернее, у меня есть пес, два кота и штат прислуги. Иногда приглашаю какую-нибудь дамочку. Я уж не тот, Маргаритка, – улыбнулся он, – укатали сивку...
- Крутые горки? – недоверчиво засмеялась Марго.
- Крутые бабки, в смысле денежки. Тяжкая это ноша, я в какой-то момент вдруг понял – не могу больше, как мне скоро настанет, в Басманный суд неохота, олигархом у нас считаться опасно. Зачем тебе это надо, Михеич, задал я себе вопрос и сам себе ответил – ни на фиг! Продаю, что смог, денег мне на три века хватит, молодые свои желания и потребности удовлетворил давным-давно, так что мне теперь париться? Власть меня совершенно не привлекает, азарт остыл, а дрожать все время за свою шкуру лень... Решил вот пожить в свое удовольствие, купил виллу в этом райском месте, квартирку в Париже и живу себе...
- И тебе не скучно?
- Пока еще нет. А через годик-другой вложусь в какое-нибудь тихое дело в тихой стране-шке, женюсь, детишек настраю, сад какой-никакой посажу и, считай, выполнил предназначение человека на земле.
- Я бы так не могла, наверное... Впрочем, мне такое и не светит.
- Почему? Бросай своего мужа, на тебе я женюсь хоть завтра, может, подзаряжусь твоей энергией и сам еще какой-нибудь фортель выкину...
- Спасибо, конечно, я польщена, но такая жизнь не для меня. И мужа я своего люблю, и семья у меня большая...
- Ладно, Маргаритка, не злись, это я так, сболтнул... Как сангрия?
- Правда, чудесная, сроду такой не пила. Спасибо.
- Знаешь, для такой красивой и деловой бабы ты слишком хорошо воспитана, тебе это не мешает?
- Да нет, тем более что недавно один человек научил меня бить посуду, когда совсем допечет! Помогает!
- Это кто же такой умный?
- Один мой клиент, может, слышал, некий Юрий Вольник?
- Марго сама не знала, почему у нее с языка сорвалось его имя.
- Как ты сказала? Вольник? Юрка? Знаю, а как же! Крутой мужик, рискованный, но удачливый, черт бы его взял! Но как он к тебе в клиенты угодил? Вроде не его масштаб.
- Случайно, от девки своей хотел избавиться, вот и решил, что я ее раскручу.
- Раскрутила?

– Да вроде... Красивая деваха и безмозглая, таких всегда подберут.

– А Юрка небось на тебя запал?

– Ерунда.

– Запал, я уверен. Ты ему под стать баба.

У Марго в сумке зазвонил телефон.

– Извини, Михеич. Алло, Даня?

– Маргоша, где ты гуляешь? Я уж тут оголодал. Купила что-нибудь?

– Да, подарки девчонкам, а тебе кожаный жилет присмотрела. Я тут знакомого встретила, скоро буду.

– Кого это? – насторожился Даниил Аркадьич.

Марго не стала отвечать на этот вопрос и отключила телефон.

– Михеич, подбрось до отеля.

– Не вопрос. Пошли. Кстати, муж обо мне знает?

– Нет. Надеюсь, ты будешь придерживаться официальной версии?

– Я похож на подонка, который закладывает своих баб?

– В общем-то нет.

Когда маленький красный «мерседес» подкатил к отелю, Даниил Аркадьич нервно курил на террасе. Ревнует, обрадовалась Марго, сама понимая, как это глупо.

– Даня, иди сюда, познакомься, Михай Михайевич Михеев, мы вместе учились в МГУ, а потом я у него в банке работала, а это мой муж Даниил Аркадьич Белоярцев.

– Очень приятно, – хором произнесли мужчины и обменялись рукопожатием.

– Даниил Аркадьич, повторяю уже для вас свое приглашение – вечером жду вас на ужин, обещаю всяческие местные деликатесы, но несколько адаптированные к российским вкусам.

– Спасибо, – вежливо отозвался Даниил Аркадьевич и вопросительно глянул на жену.

– С удовольствием, Михеич, – кивнула Марго. – Как тебя найти?

– Я пришлю за вами машину без четверти восемь.

С этим он уехал.

– Что это за тип? – не слишком дружелюбно осведомился Даниил Аркадьич. – Я не слышал, его действительно зовут Михай Михайевич Михеев?

– Действительно. Мы с ним вместе участвовали в художественной самодеятельности. А после дефолта я у него работала в банке. Он отошел от дел и теперь живет здесь постоянно.

– У тебя с ним что-то было?

– Ничего, кроме самодеятельности и работы. Впрочем, я всегда ему нравилась. А ты что, ревнуешь?

– Знаешь, какая ты тут красивая? Глазам больно. Естественно, мне кажется, что все это видят... и реагируют.

– Данька, ты ревнуешь, какая прелесть! Мне это приятно. Не все же мне тебя ревновать, – засмеялась Марго. – Ну, куда пойдем обедать?

– Я что-то не в восторге от местных ресторанов... Но есть охота, значит, пойдем куда-нибудь.

Они уже сидели за столиком, когда у Даниила Аркадьевича зазвонил телефон.

– Алло, да, это я, но я сейчас в отпуске и не в Москве. А в чем дело? В принципе, конечно. А время не терпит до седьмого? Но я не смогу, это нереально. И вот что передайте: если им действительно нужен я, то они подождут четверо суток, а если вообще кто-то, то это не ко мне. Не я к вам просился, а вы мне предложили. И в соответствующее время я это предложение рассмотрю. Да, конечно, безусловно. Всего наилучшего.

– Даня, что? – встревожилась Марго. – Что тебе предлагают?

– Предлагают стать ведущим на телевидении. И я по этому поводу должен мчаться немедленно в Москву, очевидно, на крыльях любви к телевидению, другой транспортной возможности я не вижу.

– Дань, но ты-то этого хочешь?

– Понятия не имею. Все зависит от условий. В принципе это интересно, но подход уже изначально хамский – где бы ты ни был, срывайся и лети. А потом выяснится, что я не их формат, а отпуск пропал... Нет уж, вернусь, тогда поговорим, если нужда во мне не отпадет.

Марго понравилась позиция мужа. Он во всяких передрягах умеет сохранять достоинство. А это дорогого стоит.

– Ну, так кто этот Михеев? Олигарх?

– Нет, наверное... Просто уставший от бизнеса крупный бизнесмен, – и Марго пересказала мужу то, о чем ей поведал Михеев.

– Что ж, интересно будет взглянуть, как живут такие типы... Как ты думаешь, там кто-то еще будет?

– Вряд ли, по-моему, он хочет просто посидеть со своими...

– Ты ему, может, и своя...

– Данька, ты не дал мне договорить! Со своими соотечественниками и поговорить по-русски. И выпить, наверное. Он хороший мужик.

Матильда Пундик на дачу не приехала. Сказала, что ей нужно пройти курс каких-то процедур в институте курортологии. Но зато она нашла для Таськи преподавательницу музыки в соседнем поселке, которая займется с ней азами. Всего одна остановка на электричке, занятия ввиду запущенности случая через день по два часа. Ася сочла это вполне разумным шагом. Она побаивалась этой странной дамы. Нуцико тоже вздохнула с облегчением. Она все не решалась взяться за дневники Александра Афанасьевича. Ей попросту было страшно узнать о нем нечто неприглядное сверх того, что уже давно знала.

– Нуца, ты что это в облаках витаешь? – спросила как-то после обеда Эличка.

– Просто скучаю без Тошки.

– Я тоже скучаю без Тошки и без Марго... Тася чудная девочка, но она еще не такая близкая... Кстати, Нуца, она действительно нашла это колечко?

– А по-твоему, она его украла? – рассердилась Нуцико.

– Вах, Боже упаси, Нуца, что ты говоришь!

– Тогда в чем проблема, Элико?

– Может, ей кто-то его подарил? Взрослый какой-нибудь мужчина? Она что-то похорошела в последнее время, глаза такие мечтательные, знаешь, скромная провинциальная девочка, ей легко задурить голову...

– Элико, скажи, ты почему во всем видишь какие-то истории, в основном любовные? Сериалов насмотрелась? Да я вместе с Тасей шла по лесу, она увидела колечко, оно такое грязное было, видно, давно валялось... Одним словом, глупости это все! А что касается взрослого кавалера, то это тоже не катастрофа...

– Это всегда катастрофа! Вай мэ, Нуцико, что ты говоришь!

– Ай, ладно, – махнула рукой Нуцико, – хочешь во всем видеть катастрофу, на здоровье! Я пошла курить.

Нуцико пребывала в смятении с того момента, как Марго затолкала под ее кровать картонный ящик с дневниками. Я должна это сделать, я обещала Марго, просто смешно... но мне жутко, нет, я не буду это читать. Марго приедет, я скажу – не могу... А ведь это такой пустяк, такая ерундовая просьба... А я... старая дура... Чего я боюсь? Узнать, что он был далек от совершенства? Как будто я этого и так не знаю... Нет, я должна хотя бы попытаться. Взять в руки хоть одну, первую попавшуюся тетрадку, раскрыть ее просто наугад... Да, Саша

был легкомысленный человек, но он еще и великий композитор, попавший в тиски жестокой и несуразной власти, вот и жил как мог... И если я это заранее знаю, то чего боюсь? Что в этих дневниках он пишет о том, что убивал и насиловал младенцев? Глупости. Просто я боюсь прочитать что-то неприятное о себе... Я уверена, что он много неприятного писал обо мне, у нас были такие трудные отношения...

Нуцико потушила сигарету, бросила окурочек в маленькую металлическую урну, стоявшую возле лавки, и пошла к себе. Заперла дверь, чего практически никогда не делала, и вытащила из-под кровати ящик.

Первая тетрадка была датирована пятьдесят девятым годом.

«Странно, казалось бы, я абсолютно русский человек, но алкоголь не приносит облегчения... Сколько раз я пытался, подобно многим коллегам, топить свои беды в алкоголе, но нет ни забвения, ни облегчения, наоборот, все только обостряется... Грузинское винное питье приносит радость, но лишь на считанные минуты... И к тому же когда рядом Н. Впрочем, рядом с ней и вина не надо, достаточно услышать ее голос, увидеть ее насмешливую улыбку – и я готов забыть обо всем. Удивительно, она самая некрасивая из сестер... Буря чувств! Я знаю, это великий грех, но что же делать... И так чудовищно редко удается остаться наедине, не скрывать своих чувств... Впрочем, она их скрывает почти всегда, даже когда мы вдвоем. Поспешишь – людей насмешишь, как это верно... Я поспешил... Если бы тогда, когда я впервые увидел ее, совсем юную, я не был бы уже женат на Этери и не родился бы Левка... Никогда не забуду, как она вдруг возникла на пороге – тоненькая, высокая, в пышной шуршащей юбке, совсем не похожая на красавиц-сестер... У меня тогда сразу заболело сердце... Я понял – вот моя женщина... А она как будто почувствовала что-то, отвернулась и стала рассказывать о том, что творится в Ленинградском университете, как оттуда выгоняют евреев-преподавателей... Говорила, ничего не боясь, хотя видела меня впервые в жизни...»

Нуцико выронила тетрадь. Не могу! Да и не хочу! С ума он, что ли, сошел так откровенно писать... А если кто-то это прочтет? Столько десятилетий хранить тайну, чтобы любой взявший в руки тетрадь все понял? А если Этери прочла это? Может, потому и ушла так рано? Какой ужас, какой неизбывный кошмар и какое преступное легкомыслие! Легкомыслие на грани злодейства, того самого, которое якобы несовместно с гением... Как можно было не уничтожить эти дневники? Он распорядился всем своим имуществом, а дневники... Или ему хотелось, чтобы потомки оценили его донжуанские подвиги? Он не подумал, каково это будет читать Марго, Тошке, мне, наконец? Что станут обо мне думать и говорить? Чудовищно... Конечно, это эгоцентризм творца, но разве творец не должен быть элементарно порядочным человеком? А ведь принадлежит к тому поколению, мужчины которого еще не хвастались в открытую своими женщинами или по крайней мере не называли их имен. Сейчас это даже не считается непорядочностью... Но Саша... Дворянин... Воображаю, сколько там еще подобных записей, и, может быть, куда более откровенных... Нуцико наугад вытащила другую тетрадь и сразу увидела: *«Сцена была безобразная... Я повел себя не лучшим образом, наверное, надо было как-то иначе действовать, но у меня потемнело в глазах... Моя маленькая девочка, моя обожаемая Марго спит в объятиях мужика... Чудовищно! Мне кровь бросилась в голову, я себя не помнил от ярости... Выволок парня из постели, грязно ругался, орал... Парень тоже орал и ругался, в какой-то момент пихнул меня в кресло, я хотел опять броситься на него, но обессилел... Он потребовал, чтобы Марго сию минуту ушла с ним, но она, похоже, просто постеснялась встать при мне, на них, кажется, даже простыни не было, она сжалась в комочек, прикрылась руками... А этот наглец даже не отвернулся, натягивая штаны... Должен заметить, что у парня оказались выдающиеся мужские достоинства, даже завидно...»*

О Господи, меня сейчас стошнит, – подумала Нуцико и отшвырнула тетрадь. Больше ни строчки не прочту. Надо сжечь к чертям эти дневники... Но как это сделать, чтобы никто не заметил? И я все-таки не имею права сжечь их без согласия Марго. Так вот, оказывается, что

произошло у нее с Димой... Какая гадость, какая неделикатность и даже хамство со стороны Саши. Он испугался, что потеряет ее... Сломал ей жизнь, по сути, и Диме, похоже, заодно. Он вообще походя ломал жизни, словно мстя за свою поломанную жизнь или просто из сол-лепсизма? Он ведь и мне, когда я попыталась отойти в сторону, выйти замуж, устроил такое... Истерика, слезы, клятвы... Нет, я даже вспоминать это не хочу. Она взяла свой сотовый телефон, которым пользовалась нечасто, и набрала номер Дани.

Но тут же отключила телефон. Пусть девочка отдохнет, вырвалась всего-то на недельку, три дня уже прошло. Я дожусь ее и сумею убедить в том, что все это следует сжечь. Нуца решительно убрала дневники в коробку и ногой задвинула обратно под кровать.

– Тася, – позвала она, – пойдем погуляем!

– Иду! – обрадовалась Тася возможности поговорить о Воздвиженском. Она теперь все свободное время торчала в Интернете и многое знала о нем, в частности и то, что он женат. Этой ужасной новостью она как раз хотела поделиться с Нуцико, когда та позвала ее гулять.

Аля с Татьяной ехали на встречу с потенциальным клиентом, и вдруг позвонил Лев Александрович, впервые с того вечера, когда они ужинали в ресторане.

– Алечка, я соскучился, – прошептал он в трубку.

У нее по спине побежали мурашки.

– Я тоже, – еле слышно проговорила она под насмешливым взглядом Татьяны.

– Алечка, я думал, что смогу без тебя, я боролся с собой, но оказалось, это выше моих сил... Аля, что ты делаешь вечером? Или нет, лучше завтра... Завтра суббота, что, если я приеду к тебе утром, часов, допустим, в десять?

– В десять? Да, хорошо... Хотя я думала поехать на дачу...

– На дачу поедешь потом. В десять, Алечка.

– Да, хорошо, в десять... – едва слышно пролепетала она. – Господи, что же это делается...

– Свиданку назначил? – любопытствовала Татьяна.

– Ну да, почему-то на десять утра...

– Домой к тебе примчится?

– Да.

– Ну-ну.

– Танечка... Но почему с утра?

– Это-то как раз элементарно. С утра еще сил много. Да и мадам с утра спокойнее отпустит.

– Ой, Таня, я уж думала, он не позвонит...

– Так ты рада или нет?

– Сама не пойму... Я не знаю, я обещала Марго...

– Ну, это уж глупости! Вы взрослые люди, я бы даже сказала не первой молодости, причем тут Марго? И Лева ей не муж, а старший брат. Ладно, не трясись. Лучше продумай все как следует. Подготовься, красоту наведи, завтрак приготовь отпадный...

– Тань...

– Ну что, горе мое?

– Тань, как мне его встретить?

– Поцелуем! Вы, кстати, с ним целовались хотя бы?

– Да... Но я не о том... Как думаешь, мне халат надеть или...

– Да чего там или, ясно же для чего он к тебе домой прется. Надевай халат.

– У меня нет такого... Лучше я джинсы надену...

– Еще чего, джинсы снимать колготно...

– Тань!

– Чего краснеешь, как девица? Вот что, на обратном пути завезу тебя в одно местечко, купишь там шелковый балахон, красивый и удобный. Для таких случаев идеально. Вроде бы ты и нарядная, а в то же время доступ к телу облегчен максимально. Я всегда такие надеваю в подобных случаях. Более того, я тебе его подарю, но за это ты мне потом все расскажешь!

– Тань!

– Да мне физиологические подробности неинтересны, но в целом...

– Ладно, в целом расскажу! – вдруг обрадовалась Аля. – Танечка, мне тебя Бог послал, а то когда не с кем поделиться...

– Да, это хреново, – кивнула Татьяна.

Даниил Аркадьич и Михеев неожиданно для Марго понравились друг другу и мгновенно нашли общий язык. Они сидели втроем у роскошно накрытого стола в саду, их обслуживал молчаливый и необыкновенно важный мужчина с седыми усами. Все было вкусно, изысканно и, как казалось Марго, немного ненатурально, как в советском кино про заграничную жизнь. Вдруг раздался громкий веселый лай, и к столу подбежал весьма странного вида пес – черный, лохматый, с рыжей подпалиной на одном боку, с одной белой лапой.

– А вот и Бешбармак! – объявил хозяин.

– Почему Бешбармак? – фыркнул Даниил Аркадьич.

– Не знаю, – ласково засмеялся Михеев. – Я как его увидел щеночком, сразу сказал: «Это что за бешбармак?» Так он Бешбармаком и остался. Нравится?

– Это порода какая-нибудь? – поинтересовался Даниил Аркадьич.

– Какая там порода! Разве не видишь – намешано всего понемножку, но красавец!

Огромный пес тем временем обвел всю компанию внимательным взором, подошел к Марго и положил голову ей на колени. Марго растаяла.

– Умный какой, а? Знает, кого выбрать, стервец! Не бойся, Маргаритка!

– Я вообще собак не боюсь, – улыбнулась она и погладила пса. – Михеич, можно его чем-то угостить?

– Нет.

– Марго, я давно хотел понять, почему у нас на даче нет собаки?

– Даня, а в городе что с ней делать? Кто будет с ней гулять?

– Я! Обещаю! Давай заведем такого Бешбармака, а? Я тоже люблю беспородное зверье...

– Вот если бы такое... – умиленно проговорила Марго.

– Какое? – полюбопытствовал Михеев.

– Что-нибудь такое же бешбармакское.

Разговор у мужчин зашел о местных развлечениях, и решено было завтра идти в море на яхте хозяина.

– Михеич, а у тебя случайно нет аквабайка? – спросила Марго, с завистью наблюдавшая с пляжа проносящиеся вдали снаряды.

– Есть, а что? Ты хочешь прокатиться на аквабайке?

– Мечтаю, но я не умею...

– Не проблема, я тебя завтра же научу.

– Это опасно! Не вздумай! – закричал Даниил Аркадьич.

– Опасно гонять невесть где и на бешеной скорости. А мы потихонечку, потихесеньку, дамочка под присмотром будет.

Мужчины заговорили о моторах, о каких-то сугубо мужских вещах, Марго вдруг стало клонить в сон, видимо, сказывался проведенный на солнце день, да и легкое, казалось бы, вино сделало свое дело. Михеев отвел ее в гостиную, уложил на диван, прикрыл пледом.

– Спи, Маргаритка! Бешбармак будет охранять твой сон.

– А что ж я ночью делать буду? – сонно пробормотала Марго.

– Думаю, твой муж сообразит.

Марго даже не обратила внимания на пошлость этого замечания. Закрывает глаза и провалилась в сон.

– Заснула сразу! – доложил Михеев Даниилу Аркадьичу.

– Слава Богу, пусть отсыпается, в последнее время она так устает, еле убедил ее на недельку вырваться отдохнуть.

– Молодец. А вообще, повезло тебе, Данила, просто выиграл в лотерею, Джек-пот сорвал, можно сказать.

– Я знаю, – очень серьезно ответил Даниил Аркадьич. – И, кроме самой Марго, у нее чудесная семья... Отец был необыкновенный, тетушки – чудо, дочка – умница редкая, брат золотой мужик...

– Вот с ее отцом я один раз встречался, остальных не знаю, а жаль. Значит, тебе втрое повезло. Ты ее береги, теперь такие не водятся.

– У вас с ней что-то было?

– Никогда! Мы просто друзья, – твердо ответил Михеев. Никому и никогда он не говорил об отношениях с Марго. У них был, что называется, тайный договор, оба выполнили его условия, так о чем тут говорить? О том, что он мучительно завидует этому Даниле, о том, что много раз в жизни сожалел о прошедшем? Зачем? И самому себе не стоит в этом признаваться.

Оставшиеся дни они почти не расставались с Михеевым. Рыбалка, поездки по дивному острову, обеды в деревенских кабачках, прогулки на яхте. Михеев научил Марго гонять на аквабайке, что доставляло ей невероятное удовольствие, а Даниила Аркадьевича повергало в ужас.

– Да не трясись ты, – успокаивал его Михеев. – Я ограничил скорость, все в допустимых пределах. Хочется бабе адреналину, пусть. Ей кажется, что она гоняет на бешеной скорости, а на самом деле скорость средненькая, да и пустынно тут. В районе пляжей я бы ее к байку и не подпустил.

Марго и в самом деле казалось, что скорость бешеная, она возвращалась к мужчинам счастливая, с восторженно сверкающими глазами, возбужденная и молодая.

– Тебе сейчас больше двадцати пяти не дашь! – восклицал Михеев.

Марго чувствовала себя совершенно счастливой. В последний день мужчины отправились на рыбалку, а она отпросилась на прогулку по магазинам.

Накупив подарков, решила передохнуть. Зашла в большой универсальный магазин, оставила покупки в камере хранения и отправилась в кафе, которое заранее присмотрела. После мороженого и кофе она собиралась заняться своими шмотками. Оставляла это на сладкое. За соседним столиком сидела молоденькая женщина с грудным ребенком на руках. Коляска стояла рядом.

Я хочу ребенка, вдруг сказала себе Марго. Пока не поздно. Я счастлива сейчас, и я смогу еще... У ребенка будет чудный отец, под присмотром Элички любая няня будет образцовой, конечно, физически тетушки уже ребенка не потянут, но что касается воспитания... Татьяна уже вернется на фирму, а я смогу работать практически до родов, а потом... буду руководить из дома, я хочу хотя бы первые три месяца сама кормить. Данька захочет, я уверена, у него же нет детей, а он прекрасно умеет с ними общаться... Ей вдруг захотелось бежать в детский магазин, но она сама над собой посмеялась. Тошка уже большая, умная, ревности не будет... Я хочу... мальчика? Нет, еще одну девочку... Впрочем, меня ведь не спросят, радостно засмеялась она.

Тошка считала дни. Ей уже безумно хотелось домой, хотя казалось бы, что такое две недели в Калифорнии? Все было для нее новым, интересным. К ней все прекрасно относились, с радостью возили куда-то, показывали, рассказывали, даже, можно сказать, любили, но люди-

то были чужие. Да, думала она в свободные минуты, видно, мне еще рано вылупляться. Я, как птенец, пробила скорлупу, выглянула наружу и захотела обратно... Мысль показалась ей интересной, надо обсудить ее с Нуцико, а можно и с Таськой... Больше всего ей не хватало именно этого – возможности обсудить все с близкими людьми. Их тут просто не было, близких. С отцом сблизиться не получалось. Энни была милая, но настолько ничего не знала о жизни России, что о чем тут говорить?

– Что тебе больше всего понравилось? – спросил ее отец за день до отъезда.

– Сан-Франциско, Кармель и Редвуд, – отчеканила Тошка. Ну и океан тут, в Малибу. Да и вообще... Спасибо, папа.

– Зимой приедешь в Нью-Йорк?

– С удовольствием. Если получится.

– Но учиться тут ты не хочешь?

– Нет, папа. Если бы я хотела стать финансистом или адвокатом, может, и приехала бы сюда, а так...

– Энни мне сказала, что ты необыкновенно развита и у тебя наверняка очень высокий ай-кью.

– Не знаю, – улыбнулась Тошка. – Мне это по фигу.

– Что, мнение Энни? – насторожился отец.

– Да нет, уровень ай-кью. У нас в школе у одного парня этот самый уровень просто зашкаливает, но более скучного типа я не встречала. Ладно, папа, не парься, все супер! И в Нью-Йорк я прилечу, это интересно. А вы с Энни тоже приезжайте в Москву. Это не самый хилый город в мире. Там тоже есть что посмотреть. Ты не обижайся, но, по-моему, Энни думает, что в Москве по улицам медведи ходят.

Отец невесело усмехнулся.

– Не преувеличивай.

Посмотрел в глаза дочери и фыркнул. В этот момент расстояние между ними вдруг значительно сократилось. А он все-таки ничего, хоть чувство юмора есть. И Тошка тут же приняла решение: где-то, кажется на Старом Арбате, она видела живого медвежонка, с которым можно сфотографироваться. Обязательно снимусь с ним и пришлю фотку Энни, пусть порадует, что так хорошо знает российские нравы.

Аля вскочила в шесть утра, обошла с вечера убранную квартиру, поменяла белье на кровати, подрезала кончики купленных вчера цветов... Столько денег потратила с легкой руки Татьяны... Та повезла ее покупать шелковый балахон, действительно удобная штука и красивая такая – на синем фоне белые и бледно-розовые хризантемы, и постельное белье купили с большими скидками в магазине фирмы, сотрудничающей с их агентством. Два комплекта – один розовый с зелеными ветками, второй синий с восточным орнаментом. Аля хотела купить синий с желтыми подсолнухами, но Татьяна сказала:

– С ума сошла? От этой яркости у него может вообще не встать.

– Почему? – опешила Аля.

– А он тебя среди подсолнухов не заметит.

– Да ну тебя, Танька!

– Слушай, что говорят более опытные товарищи.

Сейчас Аля постелила синее белье, розовое показалось ей вдруг излишне интимным, что ли. Это для другого раза, решила она. Если он, конечно, будет, этот другой раз. Она заикнулась было, что неплохо бы купить ночную рубашку, но Татьяна решительно заявила:

– Какая на фиг рубашка утром? С ума сошла? Ты бы еще ему пижамку купила!

Ах, как Тане хотелось рассказать Але про ночные рубашки Льва Александровича, но она пожалела ее и промолчала. Это оставим на потом, решила Таня, когда у них все кончится. Аля тогда посмеется и, может, легче перенесет неизбежный в этом случае разрыв.

– Да, и не вздумай печь пироги или жарить мясо!

– Почему?

– Не модно нынче! Салатик легонький, кофе, фрукты, сыр. Ты его не кормить зовешь. И вообще, не прикармливай. Пусть он лучше тебя кормит. И обязательно купи цветов. Это главное. Причем не экономь. Купи такой букет, какой обычно женщины себе не покупают. О, у нас есть и такие клиенты. Сейчас заедем, купим цветы. А если он придет без цветов, не давай!

– Тань!

– Что, так охота ему дать?

– Тань, имей совесть!

– Только не рассчитывай, что там что-нибудь особенное, так себе мужичок. Впрочем, может, просто не мой размерчик. Аль, да я в переносном смысле, извини ради бога, я просто ляпнула сдуру.

Все это Аля вспоминала со смехом и благодарностью. Таня и в самом деле здорово помогла ей советами. Сердце у нее замирало от сладкого страха. Как все будет... Как здорово, что Таня подарила мне этот балахон, он вполне сойдет за домашнее платье, он не похож на negligee. Лев Александрович вряд ли сразу потянет ее в постель, они выпьют кофе, поговорят... В половине десятого она была уже готова и безумно себе нравилась. От нетерпения то и дело выходила на балкон – смотреть, не подъехал ли. Интересно, он с водителем придет? Вряд ли... Да и сегодня суббота... Ага, а вон его джип. Ой мамочки, как страшно! Он сам за рулем. Аля бросилась к зеркалу, чуть взбила волосы и замерла.

– Данька, спасибо, я так отдохнула!

– По тебе сразу видно. Совсем другая стала. Я рад. Хотя, если по-хорошему, надо бы еще недельку, ты слишком устала.

– Да нет, хватит, и по дому я соскучилась, скоро Тошка придет... Я вчера до нее дозволилась от Михеича, она рвется домой.

– Ей там не понравилось?

– Понравилось, но она же домашняя девочка, а там все чужие. По-моему, больше всего ей понравилась собака отца.

– Боюсь, что когда вы с ней начнете обмениваться впечатлениями, окажется, что главная достопримечательность Америки собака отца, а Майорки – Бешбармак!

– Не исключено, – счастливо засмеялась Марго.

Разговор происходил в самолете. Они сидели вдвоем. Третье кресло в ряду оказалось незанятым.

– Дань, а знаешь, что мне пришло в голову...

– Слушаю тебя внимательно.

– Дань, а может, нам родить ребенка, пока не поздно, а?

– Марго, ты беременна?

– Нет. Это пока на уровне идеи.

– Это, вероятно, самая лучшая идея, которая посетила тебя. Только, чур, это будет девочка!

– Странно, обычно мужики хотят мальчиков.

– Пусть будет мальчик, тоже неплохо!

У него так сияли глаза, что Марго подумала: да, нам просто необходим ребенок!

– Сейчас прилетим, и за дело, – шепнул он ей на ухо. – Нам уже нельзя время терять. Я люблю тебя, Маргоша!

– Я тоже тебя люблю и надеюсь больше не буду получать такие эсэмэски...
– Марго, но ты же видела, какая им цена...
– Ладно, я пошутила. Мне хорошо с тобой, Данька. В последнее время так хорошо, что даже немного страшно.

Тетя Нуца, – начала Таська и запнулась.
– Ну, что такое? Что стряслось, девочка?
– Вы знаете, он... у него есть жена. Француженка. Очень красивая.
– Сведения из Интернета?
– Да, откуда же еще. И что мне делать, тетя Нуца?
– Ждать.
– Чего ждать? Что он разведется?
– А тебе непременно нужно замуж в пятнадцать лет?
– В шестнадцать, мне совсем скоро исполнится шестнадцать.
– Велика важность! А что касается жены... Он же не знал, что встретит тебя... Так бывает... Скажи мне честно, у вас что-то уже было?
– Нет, что вы, только целовались... Но это же не в счет, правда?
– Правда, – засмеялась Нуцико. – Послушай меня, детка. Ты должна сама для себя решить...

– Ой, я знаю, я должна решить, что для меня важнее, самой стать певицей или женой певца, потому что он может меня как жену скоро бросить, а если я буду уже певицей, то это не так страшно, да?

– Откуда такие зрелые мысли?
– От Тошки, – призналась Тася. – Я, тетя Нуца, вообще как-то думать ни о чем не могу, крышу снесло... Сiju в Интернете, а там про него столько всякого... Так неприятно...
– Главное, чтобы там о тебе ничего не было!
– Ой, это да. Но откуда ж там про меня что-то возьмется?
– Тасенька, девочка моя, брось ты это дурацкое занятие – собирать всемирные сплетни. Он тебе в любви признался, даже обручился с тобой, еще совсем соплячкой, так радуйся! Он звонил тебе?

– Да, два раза звонил, – порозовела Таська. – И каждый день эсэмэски шлет.
– Вот и радуйся! А Тошка целиком и полностью права. Так что радуйся еще и тому, что у тебя такая не по годам мудрая кузина-подружка. У тебя сейчас столько поводов для радости!
– Ой, правда, тетя Нуца! Но вы еще про один повод забыли!
– Про какой?
– А у меня еще теперь есть вы! И тетя Эличка! Вы думаете, он меня и вправду любит?
– Не знаю, девочка моя... Но думаю, любит... Он, вероятно, человек романтического склада, встретил такое прелестное создание, да еще с таким голосом, Фета, наверное, вспомнил...

– Почему Фета?
– А стихи у него есть об этом, он их написал, встретив такое вот юное и прелестное создание с дивным голосом, Татьяну Андреевну Берс, сестру Софьи Андреевны Толстой. Она пела и была, видимо, так же прелестна, как ты, и, кроме Фета, вдохновила еще и самого Льва Николаевича. Стала прообразом Наташи Ростовской. Такие девочки бывают. Ты, видно, из этой породы.

Тася не сводила с Нуцико восторженных глаз.
– А какие стихи Фета? Вы их не помните?
– Помню, я столько стихов помню... Кажется, есть и романс на эти стихи, только не помню чей.

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнею твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна – любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

Ну вот, примерно так, а дальше там говорится о том, что много лет прошло, томительных и скучных, но это еще не твоя история.

В этот момент в кармане у Таськи запищал мобильник.

– Эсэмэска! Извините, тетя Нуца! – она глянула на дисплей.

«Как ты? Чем занимаешься сейчас, в эту минуту?»

– Ответь, что читаешь стихи!

– Вы думаете?

– Да!

Таська мгновенно набрала ответ.

Тут же пришло еще сообщение, состоявшее из одного слова «Какие?»

Таська испуганно взглянула на Нуцико.

– Пиши! – распорядилась та. —

Расстались мы, ты странствуешь далече,
Но нам дано опять
В таинственной и ежечасной встрече
Друг друга поминать.

– Ух ты! Кайф! А чьи это стихи?

– Тоже Фета. Отправила?

– Да!

– Думаю, он сейчас спросит, чьи стихи.

Однако ответ пришел неожиданный: «Ты тоже любишь Фета? Какое счастье! Ты мое счастье!!!»

– Тетя Нуца, вы... Вы просто чудо! А я вас сначала боялась. Можно я вас поцелую?

– Ну разумеется!

Таська послала в ответ еще несколько слов в прозе и, безмерно счастливая, спрятала мобильник в карман.

– Это все, конечно, хорошо, но ведь тебе придется теперь читать стихи, и много. Нельзя ограничиваться Фетом, он хороший поэт, но все-таки не самый лучший.

– А вы мне дадите, что надо читать?

– Надо – всё! Но поскольку это нереально пока, мы с тобой будем играть в такую игру. Я дам тебе книги разных поэтов, и ты отметишь в них те стихи, что тебе особенно на душу лягут. Потом поговорим, я пойму, к чему ты тянешься, и тогда уже займемся подробно тем или иным поэтом. Главное же пока – полюбить стихи вообще.

– Тетя Нуца, а с Тошкой вы тоже так...

– С Тошкой немного другая история, она сама брала книги и выбирала что-то для себя лет с восьми. У нее выраженные литературные способности. И вообще, она умная, иной раз

мне кажется, даже слишком, это не принесет ей счастья. Не уверена, что она сможет безоглядно влюбиться.

- А разве это хорошо – безоглядно?
- Думаю, иногда это не так уж плохо.
- А вы? Вы влюблялись безоглядно?
- В том-то и беда, что безоглядно у меня не получалось.
- И у вас не было большой любви?
- Была. Очень большая, но, увы, не безоглядная, – грустно улыбнулась Нуцико.
- Тетя Нуцико, расскажите! – взмолилась Таська.
- Да нет, как-нибудь в другой раз. Скажи-ка мне лучше, тебе понравилась учительница

музыки?

- По чесноку?
- Что? – вытаращила глаза Нуцико.
- То есть честно?
- По чесноку? Давай по чесноку!
- Она зануда. Но говорит, что у меня выдающиеся музыкальные способности, что я все хватаю на лету, но это не очень хорошо, потому что у меня не выработается усидчивость с такими способностями.
- Ничего, это прекрасно, моя девочка. Уж на что я не люблю вашу Пундю, но в ее руках ты и без усидчивости всего добьешься. Это она умеет. Идем, я дам тебе несколько книг.
- А Фета у вас нет?
- Есть, конечно. Я забыла, что на сегодня у нас главный Афанасий Афанасьевич.

– Алька? Ты одна? – осторожно спросила Таня, у которой не хватило терпения дожидаться звонка подопечной.

- Да... Танечка, как хорошо, что ты позвонила!
- Он что, не пришел?
- Пришел.
- Трахнулись?
- Ну да... – как-то неуверенно ответила Аля.
- А что у тебя с голосом?
- Да нет, с голосом все в порядке. Просто... в нем звучит недоумение, – фыркнула Аля.
- Слушай, хватай такси и вали ко мне. Я умираю от любопытства и чувствую, тебе есть что рассказать. Нечего сидеть одной, если после свиданки осталось только недоумение.
- Еду! – воскликнула Аля.

- Ну, рассказывай!
- Да ты понимаешь, даже как-то и рассказывать нечего.
- То есть?
- Понимаешь, я с утра стояла на ушах, все убрала, приготовила легкий завтрак, как ты велела, навела красоту...
- Ну и?
- Он позвонил в домофон, я побежала к лифту, он выходит...
- С цветами?
- Нет! Но не в том дело. Я смотрю, а у него уже глаза на лбу, он меня прямо на площадке обнимает, в квартиру тащит, ничего не говоря, начинает раздеваться...
- И сразу в койку?
- Ну да, а я так не могу... Пытаюсь ему хоть что-то объяснить, но где там.
- Короче, он свою нужду справил, а ты на бобах осталась?

– Именно.

– А потом?

– А что потом? Ну мило поговорили, я притворилась, что все прекрасно, а потом он посмотрел на часы, ахнул и умчался.

– Идиот! Ты в другой раз его сразу предупреди, чтобы виагру заранее не пил.

– Виагру? – ахнула Аля.

– Конечно, а ты думала? Мужик в его возрасте приходит к новой женщине и с порога в койку? Просто он виагру выпил еще дома или по дороге, а к тебе уже готовенький приехал, и медлить нельзя было.

– Да? А я вообще ничего не поняла... Просто никогда с этим не сталкивалась... Сережа, при всех своих недостатках, был хорошим любовником, да и Виктор тоже, а больше у меня никого не было... – растерянно говорила Аля.

– Это решаемо. Но в принципе он тебе понравился?

– Ну да, он мне приятен, я к нему даже испытываю нежность, он какой-то родной, что ли, но...

– А ты ему прямо скажи!

– Не смогу. И потом я не уверена, что он еще захочет... Он же понял, что я-то его не сильно хотела...

– Так реши – ты хочешь его в принципе?

– Да, но не с налету!

– Так и скажи! Он обязательно тебе еще позвонит, хочет не хочет, а просто исчезнуть с твоего горизонта у него не получится, как-никак семья. Ты ему так прямо и скажи: Левочка, все чудесно, но мне нужно время. Всего-то и делов.

– Думаешь, он поймет?

– Пока не выпил виагру, поймет. А там уж главное момент не упустить.

– Ой, Танечка, как хорошо, что ты мне все объяснила! Но послушай, говорят, виагру вредно пить...

– Злоупотреблять ею вредно и без врача начинать не следует.

– Тань, а ты откуда все это знаешь?

– По собственному опыту.

– Понимаешь, – задумчиво проговорила Аля, – вот если бы он просто пришел, мы бы поговорили, позавтракали, посидели рядышком и, даже если бы ничего не было или у него ничего бы не получилось, я бы, наверное, куда лучше себя чувствовала... Я бы его жалела... А так – одно недоумение.

– И слава богу, радуйся. Ты не влипла в какую-то бешеную любовь.

– Да не сказала бы... Я, кажется, его все-таки люблю.

– Еще два таких randevu – и разлюбишь как миленькая.

– Может быть...

– Маргоша, ты чудесно выглядишь! – воскликнула Эличка при виде племянницы. – Отдохнула?

– Давно так не отдыхала, но все равно дома лучше. Данька, что бы там ни ел, все равно говорил со вздохом: да, вкусно, но у Елены Вахтанговны лучше. Ну, что тут у вас?

– Да у нас все нормально, неделя всего прошла, это когда уезжаешь, кажется, что все должно поменяться, а когда с места не трогаешься, эту неделю и не замечаешь.

– Как Тася?

– Золотая девочка. Занимается музыкой, читает, Нуцико с ней беседы ведет. Но без Тошки все равно тоскливо, и вообще я люблю, когда все в сборе.

– Эличка, я хочу спросить тебя...

- Спрашивай, детка, что-то случилось? Ой, ты беременна?
 - Нет, пока нет, просто я думаю...
 - Господи, о чем тут думать? У тебя уже такой возраст, что надо спешить, и сейчас, по моему, самый подходящий момент, а я все, что смогу...
 - Нет, я возьму няню, физически она будет всем заниматься.
 - Где ты найдешь надежную няню? Я тут видела по телевизору такие ужасы про этих нянек... Нет, пока я еще смогу, а вот дом вести уже тогда не получится, домработницу придется взять. Ты правда еще не беременна?
 - Правда, да я не уверена, что получится... Просто засела такая мысль...
 - А ты с Даней-то поделилась?
 - Конечно. Он в восторге.
 - Ты обязательно сходи к доктору, небось давно не была.
 - Схожу, – улыбнулась Марго. – А где же Нуца?
 - Они с Тасей ушли в лес.
 - А что Аля?
 - Алечка должна с минуты на минуту приехать. У них с Таней такая дружба, все время перезваниваются, что-то решают... Она совсем другая стала...
 - А Лева не появлялся?
 - Здесь нет, а в Москве я не знаю... О, смотри, кто-то приехал.
- Действительно, у ворот остановилась машина. Оттуда вылез молодой человек, подошел к калитке и крикнул:
- Это дом Горчаковых?
 - Да! – крикнула в ответ Марго и пошла к калитке. – А кто вам нужен?
 - Маргарита Александровна.
 - Это я. А в чем дело?
 - Вам посылочка.
- Он полез в машину и вытащил корзину с крышкой, к которой был пришпилен большой конверт.
- Вот, держите ваш подарок!
 - От кого это? – недоуменно спросила Марго.
 - От господина Михеева.
- И молодой человек передал Марго корзину.
- В конверте документы.
 - Документы? Ничего не понимаю.
- Лицо молодого человека расплылось.
- Да вы откройте корзинку-то.
- Марго открыла крышку и завизжала от восторга. Там лежал щенок, точная копия Бешбармака. А на конверте было написано – Бешбармак Второй.
- Марго вытащила щенка. Ему было от силы месяца два, толстые лапы, крупная мохнатая башка, черный мокрый нос...
- Что прикажете передать господину Михееву?
 - Спасибо, огромное, огромное спасибо! Даня! Даня! Смотри, кто у нас появился!
 - Тут все написано, как за ним ухаживать, он, конечно, беспородный, но все прививки, какие в этом возрасте полагаются, сделаны, а наблюдать его будет доктор Шелест, Алла Геннадьевна, все телефоны здесь, – втолковывал молодой человек ополоумевшей от счастья Марго.
 - Что такое? – подоспел Даниил Аркадьич.
 - Данька, смотри!
 - Бешбармак! – воскликнул Даниил Аркадьич, – вылитый Бешбармак! Дай мне! Это мальчик?

– Да, Бешбармак Второй! Ох, Михеич, молодец какой...

Молодой человек, увидев, что щенок попал в надежные руки, простился и уехал.

Тут как раз вернулись с прогулки Нуцико и Таська.

– Ой, кто это, тетя Марго? – завопила Таська.

– Не кричи так, напугаешь!

– Марго, ты привезла его с Майорки?

– Мне его доставили с Майорки, – целуя тетушку, уточнила Марго. – Хорош, а?

– Только не надо его так тискать, – покачала головой Нуцико, хотя ей самой нестерпимо хотелось взять на руки это чудо. – Значит, так, жить он будет у меня в комнате, я буду за ним ухаживать. А то я вас знаю, станете таскать его по всему дому, Элико будет ворчать, что это негигиенично, нести всякие мед. глупости, а я умею воспитывать животных. Помнишь Марлона, какой воспитанный кот был?

И Нуцико очень властно отобрала щенка у Даниила Аркадьича, посадила в корзинку и пошла к дому.

– Вот тебе и раз, – протянул разочарованный Даниил Аркадьич.

– Но вообще Нуца права, – улыбнулась Марго. – Зачем раздражать Эличку? Щенок пока будет под надежным присмотром, а потом все привыкнут и он подрастет...

Таська помчалась вслед за Нуцей.

– Тошка будет в восторге, ох, как я по ней соскучилась, еще два дня ждать...

– Марго, – Даниил Аркадьич нежно обнял жену, – я знаешь что придумал? Если будет девочка, назовем ее Вероникой, Никой, тогда у нас будут две Победы, Виктория и Ника, а если мальчик, то...

– Бешбармак Третий!

– Да ну тебя, я серьезно...

– Даня, еще рано это обсуждать, еще даже нечего обсуждать, понимаешь? – решительно заявила Марго.

– Кто знает? А вдруг уже есть?

Лев Александрович пребывал в некотором смущении. Кажется, я облажался, не учел ее провинциальную стеснительность, зажатость. С ней надо иначе... А может, ну ее к черту, а? Зачем мне такая мымра, которую надо еще раскочегаривать? Но ведь теперь я в ее глазах буду выглядеть глупо. Наверняка она все поняла. Ах, я идиот. Но она красивая, тело чудное, и нежная... Нет, хочешь не хочешь, надо реабилитироваться. Если вторая попытка успехом не увенчается, тогда завязываю, а сейчас – ноблесс оближ. Позвонить ей, пожурчать, сказать, что первый блин комом... Да, на таких обезоруживающая откровенность действует, хотя откуда я знаю, у меня таких как раз и не было. Странно, у меня не было ни одной вдовушки, надо же, оказывается, и с моим богатым опытом могут еще быть открытия. Забавно. Нет, в ней все-таки есть потенциал, она еще может оказаться такой горячей штучкой...

– Алло, Алечка, дорогая моя, – зашептал он в трубку.

– Лев Александрович, вы?

– Дорогая моя, понимаю, мне нет прощения, я повел себя как глупый бизон... Знаешь, если еще когда-нибудь я поведу себя подобным образом, ты мне просто шепни: «Глупый бизон», – и я сразу же исправлюсь. Алечка, любимая, но ведь повинную голову меч не сечет, что ж ты молчишь?

– А что тут скажешь? – засмеялась вдруг она. – Все правильно, глупый бизон.

– Но мы в ближайшие дни исправим ситуацию, да?

– Можно попробовать, – как-то излишне свободно, как ему показалось, отозвалась она.

Кажется, мы ее теряем, прозвучала у него в мозгу дурацкая фраза из американских сериалов. Значит, надо попробовать сыграть по ее правилам. Никуда эта вдовушка от меня не

денется. Надо только чуть отступить от собственного стереотипа. Кстати, это может оказаться интересным.

– Даня, пожалуйста, залезьте на чердак, если я не ошибаюсь, там должен быть где-то еще Тошкин манеж.

– Нуца Вахтанговна, зачем вам манеж?

– Не мне, а Бешбармаку! Ему нужно дышать свежим воздухом, а на травку такого малыша пускать нехорошо.

– Что-то я не видел там манежа... Марго, Марго, ты не помнишь, сохранился у вас Тошкин манеж?

– Манеж? С ума сошел, зачем тебе манеж?

– Нуцико требует манеж для Бешбармака. Кстати, хорошее название для детектива: «Манеж для Бешбармака»!

– Да я сто лет назад отдала его кому-то.

– Придется купить. Может, когда Бешбармак подрастет, манежик и для нашего ребятенка сгодится.

– Только не говори этого Эличке, даже в шутку, она не переживет.

Марго чувствовала себя такой счастливой, что в который уж раз подумала – ой, мне страшно! И конечно, первая мысль была – только бы Тошка благополучно долетела!

Тошка долетела! Когда Марго увидела ее, то поразились, неужто можно так измениться и повзрослеть за две недели? Уезжала девочка, а вернулась девушка, красивая, стройная, какая-то независимая. Это пронеслось в голове Марго в одну секунду, в следующую Тошка уже обнимала ее.

– Мамочка, мамулечка, как я соскучилась! Ой, как хорошо дома! А Таська не приехала?

– Нет, у нее урок музыки, перенести не удалось. Ничего, к нашему приезду она уже вернется.

– Ты одна? Ой, мам, ты так загорела, тебе идет.

– Долетела нормально?

– Если не считать, что рядом сидел папаша с грудным младенчиком, который всю дорогу орал как резаный, все нормально. Никогда не буду рожать.

– Дуреха ты! Не все дети орут, ты вот, например, почти не орала.

– Ну, об этом надо спросить Эличку.

Как странно, подумала Марго, что она заговорила об этом именно сейчас, когда я мечтаю о ребенке...

Они выкатили тележку с вещами на стоянку, и тут к ним бросился Володя.

– Маргарита Александровна, давайте вещи! Ой, Тоша, ты совсем американка стала!

– Дядя Володя, здравствуйте. А вот этот пакет для вашего сына. Из Америки!

– Тоша, мне даже неудобно... А что там?

– Машина, трейлер с прибайбасами.

– Обалдеть! Вот он порадует. Но это ж дорого, небось?

– Нормально!

– Куда едем, на дачу?

– Ой, пожалуйста, давайте домой заедем, – взмолилась Тошка, – я душ принять хочу, а то на даче сразу все набегут, а я такая несвежая...

– Сколько времени тебе понадобится? – спросила Марго.

– Полчасика, мама, а что?

– Давай завезем тебя домой, а я пока сгоняю в одно место, от силы минут на двадцать, и за тобой заеду.

– Годится.

Приняв душ, Тошка сразу направилась в кабинет деда и обнаружила, что одна коробка с дневниками исчезла. Тошка похолодела. Что же это значит? Куда она девалась? К тому же исчезла как раз та коробочка, до которой у нее еще не дошли руки. Взять коробку могла только мама... Тошка заглянула в комнату Марго. Ничего. Интересное кино!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.